

Глава секты Удан был потрясен, узнав, что Чжи Гэ собирается искать наследников других небольших школ. Задумавшись, он спросил:

— Ты знаешь, какие школы существуют в этом мире и где они находятся?

Чжи Гэ кивнул:

— Да, кое-что знаю.

На самом деле, благодаря Нелегальной системе древних боевых искусств, им не нужно было беспокоиться о том, чтобы найти наследников.

Эта система уже отметила все сохранившиеся школы в наше время, даже если школа превратилась в семейную традицию и, возможно, только один человек продолжал её традиции. Они ничего не упустили.

Можно сказать, что они знали лучше, чем кто-либо другой в этом мире, сколько школ существует и где находятся их наследники.

Глава секты Удан посмотрел на Чжи Гэ, его взгляд изменился, и он задал второй вопрос:

— У тебя есть деньги?

Чжи Гэ: [...]

Чжи Гэ слегка смутился:

— Есть немного...

На самом деле, в последнее время его хорошо опекали различные школы, поэтому все его поездки были организованы ими, и ему не приходилось тратить свои деньги.

Только вот Чжи Гэ был скрытым гурманом...

А места, где находились эти школы, обычно славились своими местными деликатесами, так что...

Он был скрытым гурманом, потому что, кроме Чэнь Циньцина, никто, кто общался с Чжи Гэ, не знал, что он был настоящим любителем еды. Чжи Гэ никогда не проявлял своих предпочтений в еде, независимо от того, что он ел. Его лицо оставалось неизменным, и он не показывал ни малейшего интереса к еде.

То, что им казалось вкусным, Чжи Гэ ел спокойно и неторопливо, а то, что им казалось невкусным, он съедал до последней крошки.

Это заставляло всех в различных школах думать, что Чжи Гэ не был человеком, который сильно ценит еду.

Разве не нормально, что Чжи Гэ спускался с горы, чтобы купить еду? Приезжая в новый город, чтобы попробовать местные деликатесы — это то, что делают многие люди.

Более того, многие места ему даже специально рекомендовали.

Так что каждый раз, когда Чжи Гэ приезжал в новое место, он ел с большим удовольствием,

и...

Те деньги, которые когда-то казались ему огромной суммой, уже почти закончились.

Чэнь Циньцин, конечно, знал Чжи Гэ как свои пять пальцев. Он достал телефон и перевел ему некоторую сумму.

Чжи Гэ услышал звук уведомления о переводе и, увидев сумму, которую перевел Чэнь Циньцин, чуть не уронил телефон.

Он посмотрел на Чэнь Циньцина и слегка заикаясь, спросил:

— Ты... ты... зачем ты перевел мне так много денег?

Чэнь Циньцин убрал телефон и, глядя на Чжи Гэ, сказал:

— Тебе понадобятся деньги в дороге, лучше иметь их с собой на всякий случай.

Прежде чем Чжи Гэ успел что-то сказать, Чэнь Циньцин добавил:

— К тому же в последнее время ты нам очень помог, и те деньги, которые я тебе перевел, ничто по сравнению с тем, что ты сделал.

Глава секты Удан взглянул на Чэнь Циньцина и кивнул Чжи Гэ:

— Да, это правда.

Чжи Гэ повернулся к главе секты Удан.

Глава секты Удан:

— Раз он уже перевел тебе деньги, просто прими их. Тебе не нужно так строго разделять с нами, не говоря уже о твоих отношениях с Чэнь Циньцином.

Даже если бы Чэнь Циньцин не перевел деньги заранее, он бы нашел повод дать Чжи Гэ немного денег, чтобы избежать повторения ситуации, которая была до того, как Чжи Гэ пришел в их секту.

Чжи Гэ на мгновение застыл, затем медленно посмотрел на Чэнь Циньцина, который слегка кивнул, подтверждая слова главы секты Удан.

Чжи Гэ посмотрел на Чэнь Циньцина, и в его сердце поднялось чувство благодарности.

Чэнь Циньцин задумался и предупредил:

— Когда будешь в пути, не забывай себя баловать.

Денег, которые Чэнь Циньцин перевел Чжи Гэ, хватило бы на любые его прихоти.

Но, думая о Чжи Гэ, Чэнь Циньцин все же чувствовал легкое беспокойство...

Чжи Гэ:

— Да, я понял, я не буду себя обделять.

Чэнь Циньцин не предполагал, что Чжи Гэ под «не обделять себя» подразумевал только еду. Что касается жилья...

Для Чжи Гэ было не важно, где он ночевал, если только ночью не шел дождь. Он мог спать где угодно.

Так что, отправляясь на поиски наследников древних боевых искусств, он чаще всего ночевал под открытым небом.

И он даже не видел в этом ничего странного.

Жилье было дорогим, и хотя Чэнь Циньцин дал ему много денег, экономить было не лишним.

Но еда для Чжи Гэ была иной — это была пища для души, каждый кусочек приносил ему удовлетворение, и это было его единственным удовольствием, помимо древних боевых искусств.

Так что, если он удовлетворял это желание, значит, он не обделял себя.

И в его сердце это уже считалось слишком хорошим отношением к себе.

Когда Чэнь Циньцин узнал об этом от системы, он лишь вздохнул.

Он действительно не знал, что сказать Чжи Гэ, но это был его стиль, который никогда не менялся.

Впрочем, это было решение Чжи Гэ, и Чэнь Циньцин не стал вмешиваться.

Пусть живет, где хочет.

Чэнь Циньцин обратился к главе секты, чтобы обсудить вопрос, который касался будущего их древних боевых искусств.

Но для этого нужно было решение всех школ.

Как и ожидалось, глава секты Удан, услышав предложение Чэнь Циньцина, долго колебался, и в итоге решил обратиться к другим школам, чтобы обсудить этот вопрос вместе.

Чэнь Циньцин не торопился. Он не принуждал главу секты Удан или других глав школ принять его предложение, давая им время на размышления, чтобы они сами приняли решение.

Однако, когда Чэнь Циньцин увидел, что Чжи Гэ, который должен был искать наследников, оказался в зоне конфликта, где он использовал меч против оружия других, и был заснят местными военными корреспондентами, он снова погрузился в глубокое молчание.

Чжи Гэ, видя, как люди, которые постоянно работали на него, выражали изумление, словно их мировоззрение было перевернуто, лишь вздохнул.

Если бы Чжи Гэ был рядом, он бы сказал ему: «Ну ты даешь...»

Но дело уже произошло, и Чэнь Циньцин не мог просто оставить всё как есть. Ему нужно было взять ситуацию под контроль.

Потеря управления была плохой идеей.

Даже если это было выгодно для них, это могло быть обоюдоострым мечом.

Стремление к выгоде и избегание вреда — вот что нужно было сделать Чэнь Циньцину, и он должен был максимизировать выгоду от этой ситуации.

Поэтому он быстро организовал все необходимые действия.

Когда Чэнь Циньцин закончил с подготовкой и снова заглянул в интернет, он не удивился, увидев, что сеть буквально взорвалась.

Один меч смог остановить все пули, направленные в него, и даже разрушить оружие противника до того, как оно было выпущено. Это было уже за пределами их понимания.

Они даже начали думать, что это уже не то, что может сделать человек!

Такое обычно можно увидеть только в патриотических сериалах...

Теперь то, над чем они всегда смеялись в патриотических сериалах, действительно произошло перед их глазами.

Так что, может, они всегда неправильно понимали патриотические сериалы?!

Теперь, оставив в стороне патриотические сериалы, они были настолько взволнованы, что не могли выразить свои чувства словами...

Они знали, что древние боевые искусства были могущественными, и предполагали, насколько сильным может быть Чжи Гэ, но они точно не ожидали, что он сможет быть настолько сильным.

Один меч смог сделать бесполезным оружие, которого боялись все в этом мире.

В такой хаотичной обстановке он не только остался невредимым, но и смог обезвредить противника, защитив несколько человек и выведя их из зоны конфликта.

Что они могли сказать? Только преклонить колени перед Чжи Гэ и назвать его отцом...

Но был ли их отец человеком? Может, он и не человек вовсе?

Раньше они уважали древние боевые искусства больше потому, что это было частью их национальной традиции, и в детстве они мечтали стать великими мастерами.

Так что настоящие древние боевые искусства доказали, что их детские мечты могут сбыться, и это вызвало у них резонанс с древними боевыми искусствами, заставив их не желать возвращения к прежнему состоянию.

Но это уважение никогда не связывалось с современным оружием.

Никто не был настолько глуп, чтобы сравнивать древние боевые искусства с технологическим оружием. Они считали, что это невозможно сравнить, и даже не задумывались об этом.

[Примечания отсутствуют]